

Григорий Левин

Евангельские МОТИВЫ

*Светлой памяти моего сына —
поэта Владимира ИВЕЛЕВА*

Григорий Левин

Евангельские мотивы

«Голд Принт»

Москва 1994

Григорий Левин

Евангельские мотивы: Стихотворения — М.: «Голд Принт», 1994, — 32 с.
ISBN - 86676 - 066 -5

Григорий Михайлович Левин

Евангельские Мотивы

Стихотворения

Техническая реализация издания осуществлена
издательским агентством Андрея Шпилова

© Григорий Левин

©Андрей Шпилов (оригинал-макет)

Подписано к печати 25.02.94 г. Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 2.
Тираж 1000 экз. Заказ №12-94

Издательство «Голд Принт», 125047, Москва, Тихвинский пер., 6-121.

Издательское агентство Андрея Шпилова, 113452, Москва, Симферопольский б-р, 29-1-83, т. 110-81-80.

Отпечатано в ТОО "АНИКА", 117526 Москва пр.Вернадского, 101.

Пролог

Не книга с надписью какой-то дарственной,
Не притча, что пророчит и волхвует, —
Евангелие — повесть о предательстве,
Вот почему оно меня волнует.

Читаю — не затем, чтоб успокоиться,
Читаю я — священный град взыскупа.
И скачет апокалипсова конница,
А я не слышу, плачу и тоскую.

Я знаю лишь одно — и это корчится,
И это извивается змеею, —
Предательство — оно еще не кончилось
И не сквиталось навсегда со мною.

И снова чудится мне апокалипсис,
И се — конь блед, невидим и неведом,
Иуда — тот хотя сумел покаяться, —
Не каются те, что за ним шли следом.

А он стоял на стороне подветренной,
И плакал он, предательство отригив.
Те тридцать возратить хотел он сребреников,
Но их обратно уж никто не принял.

А эти — все от тридцати питаются,
От сребреников тех невозвращенных,
И возратить их вовсе не пытаются,
И призраки не будоражат сон их.

Но где ж оно — священное чистилище,
Большого очищения порука.
Петух тот третий все не прокричит еще,
А мы успели уж предать друг друга.

Не книга с надписью какой-то дарственной,
Не притча, что ушедшее итожит, —
Евангелие — повесть о предательстве,
Вот почему оно меня тревожит.

*«Звезда, которую видели они на
востоке, шла перед ними»*

Матф., 2, 9

Звезда перед нами, как прежде, идет,
Звезда направляет, зовет и ведет.

Пока она светится в темной ночи,
Еще не всеильны в миру палачи.

Они свирепеют день ото дня,
Младенцам расставлена западня.

Напрасно тревогу повсюду трубить,
Их всех в колыбелях решили убить.

Но нет, не всеильна и эта беда,
Пока на востоке сияет звезда.

И сердце стучит не напрасно в груди,
Пока еще эта звезда впереди.

Не дайте угаснуть сиянью се,
Во что превратится тогда бытие,

Как будто всю жизнь в подземелье живешь,
Когда за звездою вослед не идешь.

Но бойтесь невинную кровь проливать,
Звезде все труднее над миром сиять.

Чем больше младенцев во страхе губить,
Тем этой звезде невозможней светить.

Ты старые раны не бери,
Пусть наша звезда идет впереди.

Звезда впереди, звезда впереди,
Ты старые раны не бери...

«Умерли искавшие души младенца»

Матф., 2. 20

Не умерли искавшие души,
Нас обмагуло древнее преданье.
Как в старину, живи — едва дыши,
И прячь от всех в душе свое рыданье.

Не умерли искавшие — живут!
Живут и ждут назначенного часа,
Когда их вновь на службу призовут,
Но так, чтоб в этот раз никто не спасся.

Да что там час назначенный — чтоб плоть
Губить во сне, проникнув вглубь жилища.
А души-то они — спаси Господь —
И пынче всюду рыщут — души ищут.

Чтоб тем же страшным ядом отравить,
Духовный взор чтоб ослепить навеки,
Им душу только б, душу погубить,
Душа — всего главнее в человеке.

Им рабский дух в младенца бы вдохнуть,
Слепое бы вдохнуть повиновенье,
И ненависть тайком бы вдунуть в грудь, —
Само в свой срок созреет преступленье.

При этом все приемы хороши,
От них не скрыться, никуда не деться.
Не умерли искатели души —
Так берегите же своих младенцев.

«..уже и секира при корне дерев лежит».
И древо с верхушки до корня дрожмя дрожит.
Уже по листве проходит холодный озноб,
Как будто пойти тому дереву прямо на гроб.
Не просто погибнуть, гибель другого укрыть.
Кого в том винить и кого в том возможно корить?
Хорошая слава лежит, дурная бежит.
«...уже и секира при корне дерев лежит».

Секира на корне дерев...

Содрогается лес.

И призрак мелькнул меж дерев, что, казалось, исчез.
Лес рубят, а если рубят — щепки летят.
И щепок больше, чем те, кто рубит, хотяют.
От них не зависит уже, сколько щепок летит.
«...уже и секира при корне дерев лежит».

При 'корне дерев лежит, при корне дерев...
И стонет лес — то жалоба или гнев?
Конечно, на рубщика дерево может упасть.
Но этим его и кончается власть.
Погибнет рубщик, другие вослед придут,
И лесу за эту гибель еще воздадут.
Топор тяжело взлетает, пила дребезжит.
«...уже и секира при корне дерев лежит».

А время идет. Есть трелевочная пила,
Лес можно и сжечь, и раздеть его догола.
Строптивый какой! И пыльщик входит в азарт.
Напрасно вершины ему сурово грозят.
Ну что они значат, вершины, коль слава бежит:
«...уже и секира при корне дерев лежит».

И знаете — главная, в чем тут, быть может, беда?
Стволы-то из почвы не могут уйти никуда.
Корнями ушли они в землю, их держит земля,
Не вырвать те корни, себе это даже веля.
И в почве другой им прижиться уже не дано,
Хотя бы на свете им только хотелось одно —
Погибнуть от стали, что в яростной страсти дрожит —
«...уже и секира при корне дерев лежит».

И знаете, в чем еще, может, большая беда?
Хоть выросли вместе, но рубят их порознь всегда.
Ну разве что свяжут верхушки двоим иль троим,
А все-таки встать воедино не дадено им.
Пускай называются бором, дубравой они,
Пусть даже тайгой, — одинокие все же, одни,
И леса судьбой никто из них не дорожит.
«...уже и секира при корне дерев лежит».

Все так, да не так. И для леса приходит пора...
Лесная ли буря, иль пламени это игра.
Дотла ли сгорит, иль останется лишь бурелом, —
Но лес наступает, но лес — он идет напролом.
А ну-ка тогда попадись ему, — станешь золой!
Тогда хоть и пыльщик, хоть рубщик — шапки долой!
Была б только буря. Взревел бы только пожар —
И лесу себя не жаль, и жизни не жаль.
Что пыльщик, что рубщик — пред грозным возмездьем дрожит.

.....

Уже и секира при корне деревьев лежит...

«Идущий за мной сильнее меня»

Матф., 3, 11

«Идущий позади меня сильнее...»
Но кто же он, идущий позади?
Его глаза прозрачней и синее,
И тайный знак мерцает на груди.

Идет — и расступаются в тревоге,
Пусть уступают, прочь идут с пути,
Наслышанные много раз о божье,
Попробуй-ка им верить воспретить.

Да, людям нужно чудо, озаренье,
А просто боль за них им не понятна.
Пусть все в крови мое стихотворенье,
Терновый им венец не распознать.

И если бы ушел я — так вернее —
Чтобы идущий вслед скорей пришел, —
(«Идущий позади меня сильнее»), —
Боюсь, и он бы правды не нашел.

*«Рахиль плачет о детях своих, и
не хочет утешиться, ибо их нет».*

Матф., 3, 18

От слез не взвидеть света, и лица
Не приподнять от рук, сцепленных болью.
Рахиль о детях плачет без конца,
Рахиль, я плачу заодно с тобою.

Слова нам говорят — но все равно
Они для нас останутся словами,
Утешиться с тобой нам не дано,
Утешиться не захотим мы сами.

У птицы прерван навсегда полет,
Она уже взлетать в простор не будет.
И кто терял детей, тот нас поймет,
И кто терял детей — тот не осудит.

Озноб смертельный. До смерти знобит,
И вряд ли он когда-нибудь уймется.
А вы хотите, чтобы все забыть,
Вы ждете, что Рахиль вам улыбнется.

Но ведь утраты больше не вернуть.
Но ведь потерянному нет возврата,
И выжжено навеки: не забудь.
Когда-нибудь еще придет расплата.

Преступно преступленье покрывать,
А память настагает неотступно,
Преступно убиенных забывать,
И убивать и забывать преступно.

Не ждите же улыбок, палачи,
Не ждите примиренья и прощенья,
Рахиль все плачет и в глухой ночи,
И нету ей вовеки утешенья.

И вновь не разгуляется палач,
Пока той боли жар все полыхает,
Пока стучит у вас в душе тот плач,
Звучит в душе, звучит — не утихает.

«Не хлебом одним будет жить человек»

Матф., 4. 4

Издревле что сказано — славно вовек,
И свыше нисходит наитье.
«Не хлебом одним будет жить человек», —
А вы подкормить нас хотите.
Готовы нам дать вы и стол и хлеба,
Чтоб только мы думать не смели,
Чтоб только с тупым безразличьем раба
Работали, спали и ели.
Мы голод знавали. Убитых, калек
Своими глазами видали.
«Не хлебом одним будет жить человек», —
Однако же мы повторяли.
Пока не уташен недремлющий дух,
И чувство и мысль наши живы,
Никто нас рабами не сделает, друг,
Как властные ни были б живы.
Но если довольны мы будем собой
И хлебом одним только сыты,
Но если живую уьем в себе боль,
Решим, что мы с недругом квиты,
Но если мы души заполнить дадим
Покою и благополучью,
Мы гибель свою в этот миг проглядим,
Нам руку отсечь себе лучше.
Целуем хлеб-соль, что на белом, как снег,
Подносит нам друг полотенце.
«Не хлебом одним будет жить человек», —
Упрямо стучит наше сердце.

«Блаженны нищие духом»

Матф., 5, 3

Я в споре с древней истиной опять,
Которую веками люди пели.
Довольно нищих духом восхвалять,
И так уже от них мы претерпели.

Смиренные, они терпели зло,
В неведеньи своем не распознали,
Какое наказание людям шло,
Они опомнились уже в финале.

Тогда, седые разорвав волосы,
Поверглись в прах и бестолку вопили,
Но били неумолчные часы,
И лишь першило в горле их от пыли.

Довольно нищих духом воспевать!
Нам нужен дух взывающий, упорный.
Нам нужно правду, правду добывать,
До самого добратья нужно корня.

Кто духом нищ, тот облегчает злу
Его неумолимое движенье.
Я разгребу застывшую золу,
Я уголек раздую в нетерпенье.

Познания бессмертный уголек.
Всеведенья. Огонь духовной пищи.
Пусть мы повержены --- но --- видит бог,
Что и поверженные --- мы не нищи!

«Блаженны изгнанные за правду»

Матф., 5, 10

«Блаженны изгнанные за правду...»
Пускай их гонят всю жизнь кряду.
За правду можно терпеть и больше.
Пусть больно --- но правда врачует боль же.
Одно создание --- гоним за правду,
Пускай не дадут об этом справку.
Пускай оболгут. --- не за правду, дескать,
Но ведь не свидетель в истории деспот.
Вся сила его в одной лишь власти,
А те, кто за ним --- одной с ним масти.
А кончится власть и сила кончится,
Хоть этого всем властолюбцам не хочется.
Блаженны изгнанные.

Блаженны.

...А мы --- юродивые, мы --- блаженны.

«Вы — соль земли. Если же соль потеряет
силу, то чем сделаемь ее соленою?»

Матф., 5, 13

Где она, соль земли? Если соль
уже больше не соль?
Что она значит тогда?
Увращает ли муку и боль?
Хлеб ли она усладит,
чтоб не был он пресным для нас?
Правду ль она уснастит,
чтоб была очевидной для глаз?

Где она, 'соль земли?
Если соль уже больше не соль,
Разве на раны сыпь,
да и то не почувствуешь боль.
Соль ни к чему не годна,
почва се не родит.
Разве что раны она
нам иногда берedit...

Где она, соль земли?
В чем она, соль земли?
Правда — одна солона,
правде одной внемли.
Если не солона,
соли земли не найдешь.
Словно в бреду иль со сна
в поиск напрасный идешь.

Где она, соль земли?
Где они, правда и честь?
Иль в поговорках одних
только они и есть.
Слово, однако, не бог,
хоть и в начале стоит.
Где она, соль земли?
Что ж ее почва таит?

А я говорю: не клянись.
Клянешься — в вере не тверд.
Не веришь себе самому,
а может не в меру горд.
И думаешь — клятва твоя
горы свернуть вольна,
А клятва — один соблазн,
отнюдь не вера она.
Подлинной вере зачем
самой себе присягать?
Подлинной вере зачем
на совесть других посягать?
«Клятвы не преступай», —
Ветхий завет гласит.
А я говорю: не клянись,
это безверье и стыд.
А я говорю: не клянись,
самых святых имен
Всуе не призывай,
если не пустозвон.
Зубы крепче сожми,
делай дело свое,
Пусть не поверят тебе,
клятва — твое бытие,
Клятва — вся жизнь твоя,
клятва — и смерть твоя.
Но не клянись, не клянись,
так говорю тебе Я...
Иль усомнился в себе, что оперся на костыль?
Я говорю:
не клянись, все это прах и пыль.
Я говорю:
не клянись,
я говорю:
не клонись,
Страху не бей челом,
с трусостью не родись.
Вью пред силой не гни,
слабым не потакай.
За красноречие
не дай медного пяка.
Пусть отлучают тебя,
не отличают тебя.
Я говорю:
не клянись, душу свою погубя.
Делай дело свое.
Дело — клятва твоя.
Не лжесвидетельствуй, брат.
Так говорю тебе Я.

*«Но да будет слово ваше: «да-да», «нет-нет»,
а что сверх этого, то от лукавого».*

Матф.. 5. 37

Слова наши смысл теряют,
Так часто их говорят.
Лохмотьями обвисает богатый прежде наряд.
Да будет

слово
наше

«Да»
или просто
«нет».

Все прочее от лукавого —
ему угождать не след.

Какие нагородили
вокруг частоколом слова.
Пора частокол разобрать бы,
его поколоть на дрона!
За тем частоколом не видно
ни дома, ни дали самой.
От мира он ограждает,
хоть по миру двинь с сумой.
Слова ограждают от мысли,
от совести тоже заслон.
Хоть вешай иконой в угол
и бей перед ней поклон.
Сказал этих слов побольше,
ответа нет на земле.
Ну, разве что ветер отходную
уныло затянет во мгле.
А в сущности надо для правды
два слова: «да» и «нет».
Все прочее от лукавого.
Ему угождать не след.

*«Итак, когда творишь милостыню, не труби
перед собою, как делают лицемеры...»*

Матф., 6, 2

А мы трубим, трубим, трубим,
Сколь миру милости творим.
И так, трубя, трубя, трубя,
Лишь оглушаем мы себя.

Уже не слышим чей-то стон.
А если меч и занесен,
Не слышим свиста и меча,
Иль топора у палача.

Не слышим, как крадется враг,
Глас трубный заглушает шаг.
Лишь стяг впустую теребим,
И все трубим, трубим, трубим.

Мы --- благодетели земли,
Благовестим, а ты --- внемли.
И так, счастливя сих меньших,
Мы тоже оглушаем их.

Не надо им себя беречь,
Поберегут наш щит и меч,
Не надо сильным быть самим,
Своей отпустим силы им.

Не слышим голоса глубин.
Себя лишь слышим ---
мы трубим.

«А что вам говорил, говорил всем: бодрствуйте».

Матф.. 13. 57

Бодрствуйте, я говорю вам, бодрствуйте.
Сон одолеет — а вы держитесь, упорствуйте.
Будете спать — подкрадутся к вам неприятели,
Вы не проснетесь уже, заснули некстати вы.
Время ли спать, когда жизнь насквозь ошпионена,
Стены на страже, слежка — давно узаконена.
Даже и стоны во сне, и слова случайные,
Вы мне поверьте — они не останутся тайною.
Все зафиксируют ленты магнитофонные.
Вы не стоните во сне, — лучше ночи бессонные.

Бодрствуйте, я говорю вам, бодрствуйте,
Сон одолеет, а вы держитесь, упорствуйте,
Можете мысль проспять во сне гениальную,
Ту, что всю жизнь казалась дальнею-дальнею.
Лучшую строчку стиха проспите напрасно вы,
Вам бы гордиться той строчкой, как праздник празднуя,
А промелькнула она огневою кометою,
Может быть, в жизни не быть вам больше поэтами.

Бодрствуйте, я говорю вам, бодрствуйте,
Сон одолеет, а вы не сдавайтесь, упорствуйте.
Может, любовь вы проспите, ту, что единственна,
Ту, что сама по себе — правда, и честь, и истина.
Будут еще поцелуи и будут соития,
Только не будет больше в жизни открытия,
Радости той дурманящей, боли пронзительной
Вы не восполните всей жизни своей транзитами.
Всякое в жизни, конечно, порою случается,
Но не проспите любовь — редко она встречается.

Бодрствуйте, я говорю вам, бодрствуйте.

Вот приблизился

«Вот приблизился предающий меня».

Матф., 26. 46

Я становлюсь недоверчивей день ото дня:
Вот приблизился предающий меня.

Самые близкие предали — и не раз,
Не отводя дружелюбных, внимательных глаз

После они отводили эти глаза:
Тем, кто нас предал, в глаза нам глядеть нельзя.

Я ж понимаю, даже и не вина:
Вот приблизился предающий меня.

Не уличаю, не обличаю, — молчу.
Просто понять, просто постигнуть хочу:

Что же за радость? Близкий, почти родня...
Вот приблизился предающий меня.

Всей земной премудростью владея,
Я б одно поставил выше всех:
«Несть ни элиина, ни иудей».
Позабыть об этом — смертный грех.

Всем людским стенапьям чутко внемля,
И чтоб дух людской не обеднить,
Не затем ли бог сошел на землю,
Чтобы всех людей объединить?

Той любви нетленного запаса
До конца веков не исчерпать.
Кроткий лик всеведущего Спаса
Как на сердце прочная печать.

Разве той любви у нас не хватит,
Чтобы рознь людскую превозмочь?
Всяк кулик свое болото хвалит,
Только в том болоте жить невмочь.

Мир не мог бы вырастить злодея,
Воспитать не мог бы палача,
Начертав на пожнах от меча:
«Несть ни элиина, ни иудей».

В Гефсиманском саду

А мы все спим и спим
в Гефсиманском саду,
И что нам крестные муки,
Христово распятие?
А он все бродит один
себе на беду.
Лишь мыслей о смерти полон,
не о расплате.
И все же томимый смертной своей тоской,
Не божий сын, а смертный,
как мы с тобою,
Он просит: не спите,
ведь за гробовой доской
Вам будет вдоволь сна
и покоя вволю.
А мы все спим и спим
в Гефсиманском саду.
Нас даже на время молитвы его не хватило.
А он все бродит один
как будто в чаду,
И словно померкло в небе
его светило.
Ведь он нам поверил,
ведь он доверился нам,
Любимым ученикам своим,
самым верным.
А мы его предали
нашим случайным снам,
Часы отзвонили полночь
биением мерным.
А Петр, как учитель ему предсказал давно,
Он трижды отрекся,
еще петухи не пропели,
Но было предательство
свыше ему суждено.
И был учитель крещен
в кровавой купели.
Петух кричит,
третий раз вещает беду.
Какая заря,
когда зорю бьют барабаны,
И праведников казнят,
и тиранят тираны.
А мы все спим и спим
в Гефсиманском саду.

*«А наемник бежит, потому что наемник,
и не радуется об овцах».*

Иоанн., 10, 13.

Не стареет с веками колючий терновник,
Терн, как прежде, язвит, протыкая чело.
А наемник бежит, потому что наемник,
На него искупление не снизошло.

Волк терзает овец, похищает и губит.
Знает волк, что наемник не устережет.
И наемник бежит, потому что не любит,
Никого он не любит, собою живет.

Не свои ему овцы, он сердца не тратил,
Не берег, не растил, и не бодрствовал в ночь.
Наплевать ему трижды на наше распятие,
Он --- наемник --- бежит, он не хочет помочь.

И, как прежде, чело нам изранит терновник,
Будем кровью, как прежде, опять истекать.
А наемник бежит, потому что наемник,
Не умеет беречь, не желает спасать.

Зачем?

Зачем языческих богов топили
И ставили на место их Христа,
Когда его в кумира превратили
И церковь вся — кумирня. Пусть не та,
Какой она была в иную пору.
Но разве же икона — не кумир?
А жертвоприношений — их без спору
Поболее увидел грешный мир.
И совершались жертвоприношенья,
Века варфоломеевских ночей —
Все — именем Христа, что на мученье
Пошел, чтоб искупить грехи людей.
Не искупил. С эпохи крестоносцев
И меченосцев хлещет люто кровь,
И скипетры в крови — всех венценосцев,
И кровь — Христа во имя — льется вновь.
И, может, в том еще спасенье мира,
И, может, в том воскреснет вновь господь,
Что древний клич: «Не сотвори кумира»
Когда-нибудь войдет нам в кровь и плоть.

Всемирное зло начиналось с братоубийства.
Потом и Содом, и Гоморра, и злое витийство.
Потом — инквизиции Варфоломевы ночи.
Потом и доносы. Потом — поруганье пророчеств.
Потом и всемирные войны, и зло, что всемерно.
Потом хиросимы — они еще будут, наверно.
И пусть миротворные речи вокруг говорят,
Но где-то на брата опять поднимается брат.

Мне кажется, что все вокруг мертво,
Что в мир не приходило Рождество.
Что начиналось сразу все с распятия.
К истоку все-таки тянусь опять я,
Тянусь к истоку, чтобы все понять.
Но трудно зло душе моей обнять.
Откуда же оно, ожесточенье?
Во зле таится страшное влечение.
Зачем оно? Что радости во зле?

Но небо убивают на земле.

Отчего многокупольны храмы,
Так горды они, так высоки?
Их считали святыми дарами,
Что всегда упасут от тоски.
Отчего они словно извечно
На груди у России стоят,
И горе устремлен человечно
Их глубокий, таинственный взгляд?
Отчего они неотделимы
От природы могучей страны?
Не какие-то там пилигримы ---
Постояшны,
надежны,

верны.

Не калики они перехожие,
Им столетья дано породнить,
И повальное наше безбожие
Не смогло их красу унизить!
Видю все это, чтобы из праха
Возносилась высоко душа,
Чтобы ей не страшна даже плаха,
Если взрвет, привольно дыша.
Ввысь и ввысь!

Золотистое пламя,

Голубиное пламя,

Ярись!

Возносились туда ---

куполами,

А глядишь ---

и ракетой взвились!

Воскресение Мусоргского
(вариант Лукаша)

И Лиза Орфанти вернулась к нему,
В его непогожую жизнь, как в тюрьму.
И Анна Манфред,
арфистка со дна,
В углу притаилась,
двоим не видна.
И жизнь погубивший,
несущий свой крест,
Он в ту же минуту
с распятия исчез,
Воскрес, чтобы больше не умирать,
Чтоб в битве, как Яков, Отца поборать.
И сломленный жизнью,
но непобедим,
Сразился он с богом,
и, как Серафим,
Вернулся на землю,
чтоб пошу нести,
Россию свою
навски спасти.
Да, отдал он жизнь не за пьяную блажь,
И огненным стал его карадаш.
Не только Бориса провал и успех,
Не только Хованщины подвиг — не грех.
И дыбился незавершенный Пугач.
А Лиза твердила:
— Не надо, не плачь.
Ты выстрадал жизнь
за народ, за людей,
Восстань же, сердцами навеки владей.
И Анна твердила:
— Несчастненький мой,
Ведь я же вернулась, вернулась домой.
Картинки чтоб с выставки смог ты творить
И в этом твореньи столетия жить.
Я только арфистка,
ты гений, ты бог.
Пусть бог не помог,
сам ты богу помог,
Чтоб в незавершенном сознании людей
Ты б не был страшилище,
не был халдей.
Чтоб спас их для жизни
и сам, как Христос,
На миг и себя
на кресте ты вознес.

И люди уже потому спасены,
Что жертвы такие им все же даны.
О Мусоргский, чудо и диво земли,
За всех, как Христос, их стенаньям внемли.
Стократно верни им их душу и суть,
И с ними пребудь,
и для них ты пребудь.

Александрю Меню

1.

Уже поседели кудри
 Подлинных наших отцов.
 Вы были Натаном Мудрым
 В мире великих глупцов.
 Вы знали, почем фунт лиха
 И горя — тяжелый пуд.
 Вы жили как будто тихо,
 Не совершая суд.
 Чуждались судейских мантий
 И всех скопидомов земли.
 Но Библии мудрость и Мантры
 Вы лично в миру превзошли.
 Числа несть открытым Вами
 Во имя святого добра.
 И были добром Вы сами,
 И приняли взмах топора.
 Не звали божье проклятье
 Вы и на убийцу.

Но он
 Судьбой осужден на заклятье,
 Закланию обречен.
 И нет от людей пощады
 Тому, кто один из ста
 Вполз в мир наш ползучим гадом —
 Убить поцелуем Христа.
 Не более и не менее, —
 Гордиться будут в веках
 Отцом Александром

Менем
 Презревшим во людях страх.
 Срубите гнусные лапы!
 Найти ли привет и приют
 В миру той Зеленой Лампы,
 Где совесть не продают.

2.

Годы и годы спустя
я узнал, что мы были знакомы.
Что наряду с другими
приходили Вы на «Магистраль».
Как мне теперь превозмочь
обиды горькой оскому:
Видеться-то видались,
но не зная друг друга.
А жаль.
Я не просил бы у Вас
никогда и ни в чем прощенья.
Мы с Вами родственны
в духе и в деле своем.
Может быть только из рук Ваших
принял и я бы крещенье.
Чистые были те руки,
как древний святой водоём.
Тот, где Христа осенил
Иоанн Креститель,
Что возгласил:
идуший вслед сильнее меня.
Жаль что еще не пришел
великий и подлинный мститель,
Временщиков и менял навек отменя.
Да, отменя, исключив,
призвал их на свете несущность,
Души, что родственны,
навсегда побратав,
И навсегда с человека сняв
тяжкое бремя — преступность.
...Вот надо мной
простираете Вы
свой широкий рукав.

3.

...Только жаль мне, до боли жаль, —
Не отведал я вашего млека.

Были Вы еще семинарист.
(Помните, как оторвался лист
От дубовой ветки родимой).
Но, до самыя смерти гонимый,
Стали Вы — Христом наших дней
(А ему было б нынче трудней).
Вы, как Сахаров, были велики,
Третьим был Солженицын меж вас.
И великие ваши книги,
И мучительные вериги,
Все — при Вас и пребудет при Вас.
И с религией в спор не вступая,
С Человеческим Сыном, я
Лишь к столам нашим припадаю.

Капля крови здесь — и моя.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Пролог	3
«Звезда перед нами, как прежде идет...»	4
«Не умерли искавшие души...»	5
«...Уже и секира при корне деревьев лежит...»	6
«Идущий позади меня сильнее...»	7
«От слез не взвидеть света и лица...»	8
«Издревле что сказано — славно вовек...»	9
«Я в споре с древней истиной опять...»	10
«Блаженны изгнанные за правду...»	11
«Где она соль земли?...»	12
«А я говорю: не клянись...»	13
«Слова наши смысл теряют...»	14
«А мы трубим, трубим, трубим...»	15
«Бодрствуйте, я говорю вам, бодрствуйте...»	16
Вот приблизился	17
Четверостишия (вместо эпилога)	18

II

«Всей земной премудростью владея...»	19
В Гефсиманском саду	20
Отречение	21
«Не стареет с годами колючий терновник...»	22
Зачем?	23
«Всемирное зло начиналось с братоубийства...»	23
«Мне кажется, что все вокруг мертво...»	24
«Не веруя в бога, я бога хулить не хочу...»	25
«Отчего многокупольны храмы...»	26
Воскресение Мусоргского (вариант Лукаша)	27

III

Александрю Меню

1. «Уже поседел кудри...»	29
2. «Годы и годы спустя...»	30
3. «...Только жаль мне, до боли жаль...»	31

Григорий ЛЕВИН родился в 1917 году в г. Хороле Полтавской области. Учился в украинской школе. Окончил в Харькове Газетный техникум им. Н. Островского при институте журналистики, а затем филологический факультет университета. Завершил образование в Литературном институте им. М. Горького в Москве, там же закончил аспирантуру. В 1941 году принят в Союз писателей.

Григорий Левин — автор трех книг стихов:

«День в отпуску» (1963), «Мы вами будем» (1981) и «На пределе откровенности» (1987). На протяжении долгих лет также работал в поэтическом переводе, критике и литературоведении.

Многие стихи поэта неоднократно перепечатывались в антологических сборниках, появлялись в периодике; некоторые опубликованы в переводе на иностранные языки.

«Тоска от разобщенного слиянья единой человеческой семьи», — эта строка поэта выражает одну из главных болевых тем его творчества.

Около 50-ти лет Григорий Левин руководит литературным объединением «Магистраль». Творческую школу этого литобъединения прошли многие писатели, чьи имена получили известность не только в нашем отечестве, но и далеко за его пределами.

Эта книга издана за счет средств автора.